

ГЕННАДИЙ КАЗАНЦЕВ

ПЯТЬСОТ СЕМЬДЕСЯТ БАШЕН

Паталипутра, IV век до нашей эры

Геннадий Казанцев

Пятьсот семьдесят башен

<https://litres.ru/74638249>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тверской пожарный Виктор Сазонов прилетел в индийскую Патну на обряд имянаречения племянника. Вечером в старом городе загорелся дом, и из толпы закричали: «Бачча!» — «Ребёнок!» Виктор пошёл в дым, нашёл девочку на ощупь и вынес её — в другой город. Деревянный, под частоколом с бойницами, среди горящих соломенных крыш. И девочка у него на руках оказалась не той, за которой он шёл.

Он не знает ни языка, ни года, ни того, куда попал. Он знает огонь.

От автора романов «Ургенч выстоит», «Могила у северных ворот» и «Сквозь века. Лекарь без имени».

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЕЗОН ПОЖАРОВ. Глава 1.	4
Намакарана	
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Геннадий Казанцев

Пятьсот семьдесят башен

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СЕЗОН

ПОЖАРОВ. Глава 1. Намакарана

В Патне жара начиналась раньше солнца.

В шесть утра на балконе было тридцать два. Виктор посмотрел в телефон, не поверил и посмотрел ещё раз. Внизу женщина в выгоревшем зелёном сари мела двор метлой без черенка, согнувшись пополам, и пыль, которую она гнала к воротам, тут же оседала обратно. За оградой сигналили мотороллеры. На проводе сидела ворона и разглядывала Виктора одним глазом.

Провода он изучал со вчерашнего вечера, с той минуты, как такси из аэропорта свернуло с проспекта в квартал. Они шли от столба к столбу пучками, по двадцать и по тридцать, провисали петлями, ныряли в окна, а на каждом столбе гроздьями висели счётчики, скрутки и что-то, обмотанное изолентой в несколько слоёв. На ближнем столбе он насчитал одиннадцать счётчиков. Двадцать лет в пожарной охране приучают смотреть на такое одним способом: откуда пойдёт огонь и как быстро.

— Витя, ты опять считаешь.

Таня стояла в дверях балкона с сыном на руках, с мокрыми после душа волосами, и улыбалась так же, как в детстве, когда ловила его на чём-нибудь.

— Одиннадцать счётчиков на одном столбе.

— Здесь все так живут. Пойдём, пандит пришёл.

Пандитом здесь звали жреца, который ведёт обряд. Таня объясняла вчера на кухне, пока свекровь не слышала, и объясняла медленно, как когда-то объясняла русские падежи своим индийским студентам в Твери. Сегодня двенадцатый день после родов. Мать и ребёнок выходят из затворничества, мальчику дают имя. Обряд называется намкаран, по-книжному намакарана. Пандит разожжёт маленький огонь для подношений, Амит напишет имя на рисе и шепнёт его сыну на ухо, потом придут гости. А вечером Виктор подарит ребёнку серебро.

— Почему я? — спросил он вчера.

— Потому что ты мой брат. Здесь родня матери дарит ребёнку серебро: браслетики на ручки, на ножки. — Таня поправила на сыне пелёнку. — У меня, Витя, кроме тебя, родни нет.

Возразить было нечего. Отец умер в тот год, когда Виктор пришёл в часть, мама — когда Таня уже жила здесь, и больше Сазоновых не осталось.

— И ещё, — сказала Таня. — Здесь ты называешься мама.

— Кто?

— Мама. Брат матери — мама. Так что привыкай, мама.

Он засмеялся, и она засмеялась тоже, а потом сунула ему в руки свёрток, и смеяться стало некогда. Племяннику было двенадцать дней. Виктор держал его второй раз в жизни и опять не знал, куда девать локти. Свёрток был горячий, тяжелее, чем казался, и пах молоком.

*

Обряд устроили в большой комнате, сдвинув диван к стене. Виктора с утра нарядили в курту — длинную белую рубаху без воротника, подарок свекрови, — и он сидел в ней поверх джинсов, как в больничном халате.

На полу постелили покрывало, на покрывало — циновку. Перед циновкой пандит, худой старик с полосами пепла на лбу, поставил квадратную медную чашу размером с кастрюлю, наломал туда щепок, полил топлёным маслом из ложки и чиркнул спичкой.

Огонь поднялся сразу, жёлтый и весёлый.

Виктор оглядел комнату. Гирлянды из оранжевых бархатцев висели на двери, на зеркале, на портрете бабушки Амита, лежали на полу кучками, и ближайшая кучка была в полуметре от чаши. Под потолком крутился вентилятор и раздувал пламя. Синтетическая занавеска на окне шевелилась от того же вентилятора и тянулась к огню.

Он встал, отодвинул ногой бархатцы, связал занавеску узлом и сел обратно.

Младшие двоюродные сёстры Амита прыснули. Све-

кровь, Савитри, улыбнулась ему так, как улыбаются гостю, который разбил чашку, но разбил от чистого сердца. Таня закатила глаза.

— Я на работе, — сказал он ей одними губами.

Пандит запел. Амит и Таня с ребёнком сели перед огнём, пандит сыпал в чашу рис, лил масло, и все вместе выдыхали какое-то слово, похожее на «свах». Огонь каждый раз вздрагивал и поднимался. Пахло горячим маслом, дымом и цветами. Виктор следил за пламенем, как следят на учениях за новичком с пожарным стволом: не мешал, но и глаз не сводил.

Потом принесли бронзовое блюдо и насыпали на него ровным слоем рис. Отец Амита, Рамеш, снял с пальца золотое кольцо и отдал сыну, и Амит, сосредоточенный, как над кардиограммой, вывел кольцом по рису несколько знаков с чертой поверху. Виктор этих букв не знал. Потом Амит наклонился к сыну и четыре раза что-то шепнул ему в правое ухо.

— Аюш, — сказала Таня и посмотрела на брата мокрыми глазами. — Его зовут Аюш. Это значит «долгая жизнь».

— Хорошее имя, — сказал Виктор.

Женщины заговорили все разом, и в их речи Виктор раз за разом слышал одно и то же слово: «бачча». Его говорили ребёнку, говорили друг другу, говорили Тане.

— Что такое «бачча»?

— Ребёнок. Малыш.

— Бачча́, — повторил он и показал на племянника.

Савитри всплеснула руками и что-то сказала, все засмеялись, а бабушка Амита, совсем маленькая, сухая, в белом, дотянулась и погладила Виктора по плечу.

Огонь в чаше догорал. Виктор поглядывал то на угли, то на кувшин с водой на подоконнике, и Амит, проследив за его взглядом, покачал головой.

— Огонь обряда не заливают. Он должен догореть сам.

— Пусть догорает, — согласился Виктор. — Я подожду.

И дождался, пока в чаше не остался один серый пепел.

*

За обедом его кормили так, будто он приехал не на неделю, а с голодного острова. Рис, лепёшки, жёлтая чечевичная похлёбка — дал, — печёные на углях шарики из теста с начинкой и к ним пюре из печёных баклажанов. Литти-чокха, сказал Амит, главное блюдо Бихара. Всё было острое до слёз. Виктор ел, вытирал лоб и снова ел, а Рамеш, сидя напротив, смотрел на него с удовольствием знатока.

— В Бихаре без перца не едят, — сказал Рамеш по-английски. — Перец — наша гордость.

Говорил он медленно и правильно, как говорят учителя, и Виктор понимал его почти без Тани. Рамеш всю жизнь преподавал в школе историю, а выйдя на пенсию, преподавать не перестал, просто ученики у него стали случайные. Вчера за ужином он, подливая гостю чай, процитировал какого-то Чанакью: аромат цветов разносится только по ветру, а добрая слава человека — во все стороны. Виктор тогда подумал,

что огонь тоже идёт только по ветру, но вслух не сказал.

Сегодня Рамеш начал со слов, которые прозвучали как песня, на языке, которого не понимал даже Амит.

— Санскрит, — пояснил Рамеш. — Чанакья. Великий министр, больше двух тысяч лет назад. Он сказал: остаток огня, остаток долга и остаток врага растут снова и снова. Поэтому не оставляй остатка.

Амит перевёл, хотя Виктор понял и сам.

— У нас это называется проливка, — сказал Виктор.

— Что такое «пролифка»?

Виктор отложил лепёшку. Объяснять было легко: он объяснял это каждому новичку.

— Пожар потушили. Огня нет. Все устали и хотят домой. И тут начинается самое главное. Ты проходишь всё заново. Льёшь воду туда, где уже не горит. Растаскиваешь балки, разбираешь завалы, переворачиваешь всё, что может тлеть. Потому что внутри остаётся жар, и ночью, когда все уйдут, он разгорится снова. И сгорит то, что спасли днём.

Амит переводил, а Рамеш слушал, кивал всё быстрее и в конце хлопнул ладонью по столу.

— Чанакья знал! Чанакья был пожарный!

— Тогда мы коллеги, — сказал Виктор, и засмеялись все, даже Савитри, которая по-английски не говорила.

По телевизору в углу шли новости. Показывали деревню после пожара: чёрные остовы хижин, обугленные балки, женщин с кувшинами среди пепла, мальчишку, который си-

дел на корточках у сгоревшей повозки и смотрел в камеру без всякого выражения.

— Каждый год так, — сказал Амит. — Апрель, май. Пачхуа.

— Что?

— Западный ветер. Сухой, горячий. Поднимается утром, к полудню дует всюду. Одна искра из очага — и сгорает полдеревни. Крыши соломенные.

Диктор говорил на хинди, Амит пересказывал: в одном районе сгорело сорок домов, в другом погибли двое детей, и власти опять просят крестьян не разводить огня с девяти утра до шести вечера, а готовить рано утром или ночью.

— Умные люди, — сказал Виктор.

— Кто?

— Те, кто это придумал. Ветер дует днём — значит, днём огня не надо. Проще не бывает.

— Ты и тут на дежурстве, — сказала Таня. — Знаешь, Амит, у него на маминой даче висел пожарный щит. Красный, настоящий. Он меня по нему гонял: где багор, где топор, почему ведро конусное.

— Почему конусное? — спросил Амит.

— Чтобы не утащили на огород, — ответила Таня, опередив брата.

Она смеялась, Амит смеялся, Аюш спал у неё на коленях, и Виктор подумал, что давно не сидел за столом, где все свои.

За серебром поехали после обеда, в самую жару.

Ехать надо было в старый город. Рамеш покупал серебро у тех же ювелиров, у которых покупал ещё его отец, и слышать не хотел ни про какие торговые центры. Амит остался с Таней — к вечеру ждали гостей, — а Рамеш с Виктором поймали моторикшу, трёхколёсную тарахтелку с брезентовым верхом, и поехали через весь город на восток. У ворот Рамеш накинул Виктору на шею гамчху — клетчатое хлопковое полотенце, какое здесь носят все мужчины, — «от солнца».

Дорога шла вдоль реки. Между домами то и дело открывалась вода — широкая, бурая, с песчаными мелями, с лодками, которые стояли на ней неподвижно, будто приклеенные.

— Ганга, — сказал Рамеш, и сказал так, как говорят о матери.

Ганг, перевёл для себя Виктор. Он помнил его по картинкам в учебнике и почему-то представлял синим.

Ветер дул им в спину и нёс пыль. Рикша не снимал руки с клаксона. По дороге Виктор насчитал три пожарные машины: две стояли у здания с вывеской на хинди, третья проехала навстречу с выключенной мигалкой. Обычные красные машины, чуть меньше наших.

Старый город начался незаметно. Улица сузилась, дома стали старше и выше, балконы почти сошлись над головой, провода сплелись в сплошную чёрную сеть. Моторикша дальше не пошёл. Последние сто метров Рамеш вёл Виктора пешком, переулком шириной в два шага, между лавками,

где торговали всем сразу: латунными кувшинами, мешками с перцем, пластмассовыми вёдрами всех цветов, тканями, жестянками с топлёным маслом.

Перед ювелирами Рамеш остановился у чайного лотка и взял два чая. Чай подали в маленьких чашках из обожжённой глины, без глазури, грубых и тёплых. Он был сладкий, с молоком и имбирём. Рамеш допил и бросил чашку на землю, под лоток, где лежала гора таких же черепков. Чашка разбилась.

— Глиняную чашку используют один раз, — объяснил он. — Потом в землю. Так чисто.

Виктор допил и бросил свою. Она раскололась на три куса, и ему почему-то стало весело.

У ювелира было прохладно, под потолком гудел кондиционер. Хозяин, толстый и спокойный, выложил на бархат браслеты — крошечные, размером с кольцо для салфетки, гладкие и с насечкой. Рамеш взвешивал их на ладони и торговался долго, со вкусом, а Виктор, ничего не понимая в торге, выбрал пару гладких и расплатился. Браслеты завернули в бумажку. Он сунул свёрток в карман джинсов и вышел на крыльцо подышать, пока Рамеш доторговывался за что-то ещё.

Было без двадцати шесть. Ветер не стихал. Он шёл вдоль переулка вниз, к реке, и тащил за собой обрывки бумаги и пыль.

Виктор почувствовал запах раньше, чем увидел дым. Го-

рела пластмасса: тяжело, сладко, с химической горечью, которую ни с чем не спутаешь. Потом из-за поворота, метрах в пятидесяти, повалил чёрный дым, плотный, жирный, и переулочек закричал на десяток голосов.

Он пошёл туда быстро, но не бегом. Бегом на пожар не ходят: прибежишь без дыхания.

Горел угловой дом, трёхэтажный, старый, с деревянными балконами. На первом этаже была лавка — та самая, с пластмассовыми ведрами, — и ведра горели, оплавляясь и капая огнём на мостовую. Пламя уже лизало навес над дверью. Справа от лавки чернел проём лестницы, и дым шёл в него и вверх, как в трубу. Из окон второго этажа тоже тянуло дымом, но огня там пока не было.

Люди выносили товар из соседних лавок. Кто-то плескал на навес из пластмассового ведра. За поворотом выла сирена, но не приближалась, и Виктор, оглянувшись, понял почему: пожарная машина встала у въезда в переулок, между моторикшами и тележками, и дальше пройти не могла. Тянуть рукава — пожарные шланги — оттуда до дома метров двести. Минут пять-семь, если ребята толковые.

А потом закричала женщина.

Она стояла посреди переулочка в жёлтом сари, с телефоном в руке, кричала и смотрела на окна второго этажа. В её крике Виктор разобрал слово, которое выучил сегодня утром.

— Бачча! Бачча!

Ребёнок.

Дальше он думал быстро и по порядку, как учили. Лестница справа от лавки дымит, но не горит. На втором этаже задымление, огня нет. Лавка разгорается, навес вот-вот займётся, и тогда огонь пойдёт в лестницу, как в печную трубу. Минуты три. Может, четыре. Машина не успеет. Дыхательного аппарата у него нет. Без аппарата в задымление не ходят — это первое, что вбивают в голову в газодымозащитной службе, и он сам вбивал это молодым, повторяя по сто раз.

Он снял с шеи гамчху и сунул её в бочку с водой у чайного лотка. Мокрая ткань задержит сажу. От угарного газа она не спасёт, и это он тоже знал. Значит, времени у него столько, сколько продлится счёт до ста. Не нашёл к ста — назад.

Женщина в жёлтом схватила его за руку, показала вверх, на окно, и закричала что-то ещё.

— Понял, — сказал он по-русски. — Понял.

Обмотал лицо мокрой гамчхой, пригнулся и вошёл в лестницу.

*

Внутри было темно и жарко. На нижних ступенях дым был ещё прозрачный, серый, выше он густел и чернел, и Виктор опустился на колени, не дойдя до площадки. Внизу, у ступеней, воздух был прохладнее и чище. Под потолком стоял жар, от которого стягивало кожу на затылке.

Раз. Два. Три.

Площадка. Дверь открыта. Комната. Он пополз вдоль стены, правой рукой по стене, левой перед собой, как ползал

сотни раз, только тогда на нём была боёвка — боевая одежда пожарного, — за спиной баллон аппарата, а впереди и сзади свои.

Двенадцать. Тринадцать.

— Бачча! — позвал он сквозь мокрую ткань и сам услышал, как глупо это прозвучало.

Тишина. Треск снизу. Гул: так гудит лестница, когда снизу в неё входит огонь.

Девятнадцать. Двадцать.

Дети на пожаре не бегут к двери. Дети прячутся — под кровать, в шкаф, за занавеску, в самый дальний угол, — потому что под кроватью безопасно, это они знают с рождения. Виктор знал это не из учебника. Он знал это по детям, которых доставал из-под кроватей. Не всех живыми.

Угол. Шкаф — пусто. Кровать. Рука нащупала край, низ, пустоту под ним, и в пустоте что-то маленькое и горячее отдёргнулось от его пальцев.

Тридцать один.

Он потянул. Ребёнок за что-то держался и не отпускал. Виктор потянул сильнее, вытащил, прижал к груди лицом, накрыл концом гамчи. Девочка — он понял по волосам, длинным, спутанным, — закашлялась и затихла.

Тридцать восемь.

Назад. Вдоль стены, теперь левой рукой. Дверь. Площадка. Впереди и внизу светилось: проём, выход. Он пополз на этот свет, прикрывая девочку собой.

Сорок пять. Сорок шесть.

Пол под коленями стал другим.

Он не сразу понял, в чём дело. Было гладко — стало шершаво и комковато, и колени уходили во что-то мягкое, присыпанное. Жар шёл уже не снизу, а сверху, с потолка, и сверху же сыпалось что-то лёгкое, горящее, клочьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.